

Перверсное и психотическое Сверх-Я

Франко де Мази

Введение

Теория Фрейда не в состоянии восполнить пробел в понимании процессов формирования нормального суперэго и его патологического аналога. В работе "Скорбь и меланхолия" (1915) он говорит о совести, пропитанной мощным садизмом, который порождает внутриспсихический порочный круг, но в "Я и Оно" (1923) он вместо этого описывает суперэго, которое формируется путем интроекции родительских образов и становится представителем всех ценностных суждений. Существование полярностей в концепции суперэго остается очевидным на протяжении всей сложной системы идей Фрейда: с одной стороны, оно рассматривается как выражение социальности и позитивной идентификации с отцовской фигурой, а с другой - как наследник каннибалистической деструктивности меланхолии.

Важность агрессивного инстинкта имплицитно высказана в его концепции патологического суперэго: он пишет, что при меланхолии суперэго «подобно чистой культуре влечения к смерти» (1923, 53); далее в работе "Экономическая проблема мазохизма" (1924, 167), он отмечает, что из-за дефляции инстинкта смерти суперэго становится жестоким и неумолимым по отношению к Я. В работе "Недовольство культурой" (1929, 123) говорится, что агрессия суперэго обращена против самого эго и трансформируется в чувство вины. Учитывая все эти факты, Фрейд отмечает, что жестокость суперэго больше не совпадает со строгостью реальных родителей и зависит от сочетания средовых и врожденных конституциональных факторов.

Взяв за отправную точку идеи Фрейда о меланхолии, Мелани Кляйн утверждает, что инфантильное суперэго по сути своей садистично и утверждает, что это связано с жестокостью и безжалостностью первых интроекций. Поэтому главная цель детского анализа, по ее мнению, состоит в том, чтобы сделать суперэго более доброжелательным, а не усилить его, как утверждала Анна Фрейд (Klein 1927a). Суперэго не совпадает с интроекциями родительских фигур, а возникает спонтанно из садистских фантазий ребенка (Klein 1927b). В параноидно-шизоидной позиции суперэго само по себе является плохим объектом, который должен быть уничтожен всеми возможными средствами.

Новаторство Кляйн заключалось в том, что она связала природу раннего/примитивного суперэго с деструктивным инстинктом. Чувство вины депрессивного пациента объясняется существованием огромного пласта бессознательной ненависти и осознанием того, что эта ненависть может разрушить объект (Klein 1935). Отчасти чувство вины связано с требованиями к идеальным объектам: они либо слишком плохи, либо абсолютно совершенны; иными словами, любимые объекты являются высоко моральными и очень требовательными (Klein 1948). Раннее суперэго рождается из инстинкта смерти и насилия, которое ребенок совершает над фрустрирующими объектами и в отношении которых он чувствует угрозу. Если, с одной стороны, раннее суперэго увековечивает жестокость, то, с другой стороны, интроекция хорошего объекта будет представлять собой его положительные аспекты.

Фрейд также описывает защитный аспект суперэго, который он связывает с любовью родителей. В конце своего эссе "Юмор" (1927, 166) он говорит, что тот факт, что суперэго пытается утешить Я и защитить его от страданий, не противоречит тому, что оно родилось из родительского эго происхождению из фигуры родителя.

Структура перверсного Сверх-Я

Однако примитивность и безжалостность - не единственные черты сложной патологии суперэго. В теориях пост-кляйнианцев снова звучат слова об аффективной травме из-за отсутствия эмпатического ответа со стороны первичного объекта: некоторые авторы делают акцент не на примитивности, а на неудаче первых объектных отношений.

Бион (1959) считает, что систематическое отвержение матерью проективной идентификации ребенка порождает суперэго, которое по своей природе враждебно любопытству и детской витальности, а Розенфельд (1971) описывает деструктивный нарциссизм, который доминирует над здоровой частью личности исключительно благодаря силе идеализированной, "моральной" пропаганды. В этих случаях опыт роста, опосредованный хорошими отношениями, отсутствует, и личность захвачена патологической структурой.

Нарциссический объект, присутствующий в патологическом суперэго, порождает особый тип морали - "моральный нарциссизм", в котором, на основе почитания состояния "превосходства", идентификация с идеальным объектом приводит к патологическому чувству вины. С этой точки зрения, мораль есть не что иное, как жестокость, которая проникает в идеальный объект, что приводит к практической морали, основанной на подчинении и почитании "морального", идеального объекта.

Патологическая организация суперэго, рассматриваемая в этих терминах, таким образом, соответствует его способности уничтожить, а не его примитивности. Речь идет не столько о примитивном отсутствии жалости ("око за око, зуб за зуб"), сколько об искажении и запугивании со стороны "морального" агента. Это предполагает существование суперэго, которое не заинтересовано в чувстве вины или наказании, оно стремится соблазнить или запугать, чтобы подчинить себе и нарушить процесс развития психики. В таком случае суперэго — это уже не примитивный внутренний объект, а психопатологическая структура, обладающая властью над остальной частью личности.

Суперэго обещает спасти за счет искажения восприятия реальности, перверсное суперэго становится тем, что можно описать только как патологическую организацию. В этих случаях возникают непроработанные области, которые становятся психическими структурами - виртуальными "новообразованиями", - в которых властвуют агрессия, соблазн, ужас и очарование. Можно сказать, что структуры такого рода развились вместо суперэго и эго-идеала, поэтому они не способны развиться в более зрелые формы, как в случае с ранними структурами.

Нередко можно наблюдать, как нормальное суперэго, примитивное суперэго и патологическое суперэго, действуют одновременно на разных уровнях и в разных сферах пациента. В то время как примитивное суперэго может быть постепенно трансформировано посредством принятия, понимания и интерпретационных реакций аналитика, патологическая организация не может быть ни интегрирована, ни трансформирована, она должна быть деконструирована, подобно бредовому образованию, чтобы ее влияние на остальную часть Я было постепенно уменьшено.

Суперэго, возникшее из деструктивной организации, — это структура, которая формируется в отсутствие внутренних родителей и выражает нарциссическую ненависть к потребностям и зависимости. Однако психопатологические структуры, в отличие от примитивных структур, полностью лишены способности к развитию (Сарег 1998). Если не проведем это различие, то упустим из виду негативную силу, противостоящую психическому росту Я и возникшую из психопатологических структур суперэго, которые навязывают свою волю путем запугивания или соблазнения.

В самых крайних случаях личность подчинена перверсному криминальному или психотическому ядру суперэго, которое держит ее в подчинении, извращая совесть (суперэго) и искажая идеалы (эго-идеал). У некоторых пациентов с анорексией или психозом не существует разницы между суперэго и идеализацией собственного физического и психического самоуничтожения (De Masi 1996).

Зависимость суперэго от деструктивной части личности подталкивает индивида к принятию нежизнеутверждающих целей, замаскированных под "мораль". Таким образом, патологические силы постепенно разрушают отношения с объектом и создают на его месте психические структуры - психопатологические организации - которые порождают иллюзии у пациента, который таким образом соблазняется и захватывается обещанием всемогущества. При серьезных нарушениях психики, таких как анорексия, наркомания или перверсии, патологическое суперэго обретает власть над личностью, сначала околдовывая ее, а затем жестоко доминируя. Как часто отмечают посткляйнианские авторы (например, Meltzer 1973; Rosenfeld 1971), этот тип патологической организации может быть представлен в сновидениях преступной группировкой, которая доминирует над пациентом и наводит на него ужас при помощи фальсификации и запугивания.

В данном случае трудно сказать, связано ли это с перверсией морального агента или с патологическими структурами, занявшими место суперэго. Тот факт, что каждая перверсная система принимает форму сверх-моральной организации и суперэго стремится разрушить жизнь в каждой сверх-моральной системе, объясняет парадоксальную природу морали и подтверждает родство между суперэго и деструктивностью в психопатологических структурах.

Психотическое Сверх-Я

Противоречивое и сбивающее с толку психотическое суперэго полностью доминирует над разумом, сначала соблазняя, а затем угрожая. Когда мы помним об этом, больше невозможно рассматривать психотическое суперэго как примитивный агент психики, мы должны смотреть на него как на патологическую структуру, не имеющую никакой связи с примитивным суперэго несмотря на то, что оно имеет некоторое сходство с ним. В то время как примитивное суперэго соблюдает закон наказания за совершенный грех, психотическое суперэго перверсно и смертельно опасно. Оно нарушает психический рост: внутри оно принимает вид внутреннего голоса, который запугивает индивида, уничтожает ощущение свободы и любопытство от обучения через опыт.

Не следует упускать из виду, что во время психотического процесса суперэго часто участвует в галлюцинаторных и бредовых явлениях, осуществляя свою власть посредством запугивающих обвинений и приказов. На первой стадии часто возникает бред и убеждает пациента в том, что он достиг высшего, всезнающего и приятного психического состояния. В этом случае суперэго выступает как сила, способная изменить психическое состояние в лучшую сторону, обеспечивая чувство радостного возбуждения и благополучия. Под влиянием этих идей пациент убеждает себя в том, что он наделен особыми способностями, его ведут какие-то божественные существа, причем тема божественности часто присутствует в бредовых конструкциях.

На втором этапе начинается движение в обратную сторону: голоса убеждают пациента, что его состояние благополучия, превосходства и всеведения — это не божественный дар, а деструктивная, дьявольская сторона; в какой-то момент он убеждает себя, что подобен Люциферу, который бросил вызов Богу, и что, став дьяволом, он по праву заслуживает наказания. Этот переход от превосходства/доброты к негативности/деструктивности происходит очень часто: бредовое обвинение в одержимости дьяволом становится невыносимым, пациент начинает считать себя деструктивным, способным уничтожить весь мир, включая людей, с которыми он связан, вплоть до самоубийства.

Сбивающее с толку действие суперэго четко видно и при галлюцинациях. Как правило, галлюцинации вначале позитивны, приятны и соблазнительны; лишь затем они становятся негативными и агрессивными, изводя пациента постоянными обвинениями и запугивающими комментариями. Временами дружелюбные голоса внезапно сменяются агрессивными, как будто фрагменты психики сошли с ума и перемешались; каждая часть принадлежит части диссоциированной и фрагментированной личности пациента. Голоса выступают как отдельные сущности, которые разговаривают, но иногда также дерутся или вступают в споры друг с другом. Диалог такого рода все чаще приводит к путанице, и здоровая часть оказывается в плену у психотической структуры.

Иногда обвинения психотического суперэго содержат истину, пусть и в искаженном виде. Голос, обвиняющий пациента в дьяволизме, отражает истину: пациент, полагая, что он Бог, на самом деле сумел разрушить порядок разума и правила мышления. Обвиняющие, презрительные галлюцинации исходят от того же суперэго, которое послужило толчком к развитию мании величия, поэтому пациент подвергается атаке через различные уничижающие ругательства: голос обвиняет его в том, что он неудачник, гомосексуалист или лузер, и эти галлюцинаторные обвинения проецируются на окружающий мир. Находясь в плену психотического суперэго, пациент воспринимает обычные человеческие слабости как доказательство трусости или недостойности. Под влиянием безумного, не терпящего возражений голоса, он проецирует галлюцинации на всех, включая тех, кто случайно появляется в его жизни.

Стоит отметить, что некоторые исследователи говорили о родстве шизофренического и маниакально-депрессивного психозов, утверждая, что они, возможно, являются одним и тем же заболеванием. Хотя этому никогда не было найдено подтверждения, можно видеть, что психотическое суперэго, безусловно, часто принимает маниакально-депрессивные черты, переходя от маниакальной экзальтации к меланхолической деструктивности.

Литература:

- Bion, W. 1959. "Attacks on Linking." *International Journal of Psycho-Analysis* 40: 308–315.
- Caper, R. 1998. "Psychopathology and Primitive Mental States." *International Journal of PsychoAnalysis* 79: 539–551.
- De Masi, F. 1996. "Strategie psichiche verso l'autoannientamento." [Psychic Strategy Toward SelfAnnihilation] *Rivista di Psicoanalisi* 44: 549–566.
- Freud, S. 1915. "Mourning and Melancholia." *S.E.* 14: 237–258.
- Freud, S. 1923. "The Ego and the Id." *S.E.* 19: 1–66.
- Freud, S. 1924. "The Economic Problem of Masochism." *S.E.* 19: 155–170.
- Freud, S. 1927. "Humour." *S.E.* 21: 159–166.
- Freud, S. 1929. "Civilization and Its Discontents." *S.E.* 21: 57–146.
- Klein, M. 1927a. "Symposium on Child Analysis." *The International Journal of Psycho-Analysis* 8: 377–380.
- Klein, M. 1927b. "Criminal Tendencies in Normal Children." *British Journal of Medical Psychology* 7: 177–192.
- Klein, M. 1935. "A Contribution to the Psychogenesis of Manic-Depressive States." *The International Journal of Psycho-Analysis* 16: 145–174.
- Klein, M. 1948. "On the Theory of Anxiety and Guilt." *The International Journal of Psycho-Analysis* 29: 113–123.
- Meltzer, D. 1973. *Sexual States of Mind*. Strath Tay: Clunie Press.
- Rosenfeld, H. 1971. "A Clinical Approach to the Psychoanalytic Theory of the Life and Death Instincts: An Investigation Into the Aggressive Aspects of Narcissism." *International Journal of PsychoAnalysis* 52: 169–177.